

SUBLATA PRIORE LEGE. ОТВОД ROGATIONES КАК СПОСОБ ВНЕСЕНИЯ ПОПРАВОК К ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫМ ПРОЕКТАМ В КОНЦЕ РЕСПУБЛИКИ

Предметом данной статьи¹ является процедурный вопрос, касающийся механизма разработки комициальных законов, *leges rogatae populi Romani*, в конце республики, тем самым, это предмет технический и ограниченный, но который, как я надеюсь показать, позволяет лучше понять сложное взаимодействие различных участников этой процедуры: магистрата или трибуна *rogator*'а, других магистратов и трибунов, сената, публики на собраниях граждан – *contiones* – и народа, призванного голосовать на *comitia*, и лучше оценить точную степень влияния каждого в разработке закона.

В качестве отправной точки можно для удобства взять классическое описание Моммзена в «Римском публичном праве», дополненное Л. Росс Тейлор, К. Николе, М.Х. Кроуфордом и Ж.-Л. Феррари, а для функционирования *contiones* – также Ф. Пина Поло и Э. Флайгом². Магистрату или трибуну (для простоты я буду далее говорить магистрат) может полностью принадлежать инициатива проекта закона или же он может получить приглашение со стороны сената составить такой проект, посредством сенатусконсульта, формулировка которого хорошо известна, хотя прямо и не засвидетельствована – «пусть два консула или один из них, преторы, плебейские трибуны, если они считают это необходимым, возьмут на себя предложить народу, как только это позволят auspicii...»³. Тогда магистрат составляет или, скорее, учитывая формальную сложность некоторых статей закона, поручает составить специалисту⁴ текст, который он вынесет на голосование народа, и извещает о своих проектах консулов (если только он не является одним из них)⁵. Консулы или трибун *rogator*

¹ Первый вариант этого исследования был представлен на Международном colloquium «Законодатель и закон в греческой и римской древности» в мае 2003 г. в Канском университете. Я благодарю моего коллегу профессора Пьера Сине, организатора colloquium, за разрешение опубликовать данный перевод этого исследования на русский язык. Как всегда, г-н Ж.-Л. Феррари дружески обсудил со мной представленные здесь идеи (которые, конечно, не налагают на него никакой ответственности): я горячо благодарю его за это.

² *Mommsen Th. Le Droit public romain*. P., 1889. V. 6. Pt 1. P. 423–483; *Ross Taylor L. Roman Voting Assemblies from the Hannibalic War to the Dictatorship of Caesar*. Ann Arbor, 1966; *Nicolet C. Le sénat et les amendements aux lois à la fin de la République // Revue historique de droit français et étranger*. 1958. 36. P. 260–275; *idem. Le Métier de citoyen dans la République romaine*. P., 1976. P. 280–424; *Crawford M.H. General Introduction // Roman Statutes / Ed. M.H. Crawford. V. 1 (B.I.C.S. Supplement 64)*. L., 1996. P. 7–15; *Pina Polo F. Contra arma uerbis. Der Redner vor dem Volk in der späten römischen Republik (Heidelberger althistorische Beiträge und epigraphische Studien. № 22)*. Stuttgart, 1996; *Ferrary J.-L. Princeps legis et adscriptores: la collégialité des magistrats romains dans la procédure de proposition des lois // Revue de philologie*. 1996. 70. P. 217–246; *Flaig E. Entscheidung und Konsens. Zu den Feldern der politischen Kommunikation zwischen Aristokratie und Plebs // Demokratie im Rom? Die Rolle des Volkes in der Politik der römischen Republik / Hrsrg. von M. Jehne (Historia Einzelschriften. № 96)*. Stuttgart, 1995. P. 77–127.

³ *Ferrary*. Op. cit. P. 225. Not. 30.

⁴ *Crawford*. General Introduction. P. 7–8.

⁵ Цицерон, consul designatus, неодобрительно относится к тому, что этот демарш не был совершен в конце 64 г. новоизбранным трибуном Руллом и его будущими коллегами, готовившими аграрный закон (Agr. II. 5. 11–13).

(для последнего это не было обязательно) представляют его сенату посредством *relatio*, и начинается обсуждение, в результате которого *rogator* может быть вынужден изменить положения своего проекта. Именно к этому этапу К. Николе относит процедуру внесения поправок, которую он категорически приписывает сенату⁶. Как только сенат занял позицию, позитивную или негативную, магистрат официально вносит проект, что на латинском языке обозначается *promulgare*, с целью обеспечить ему публичный характер, а также окончательно зафиксировать его положения, что может происходить разными способами: например, в эдикте, доведенном до сведения народа посредством *recitatio* и вывешивания⁷; эдикт, который может содержать обоснование законопроекта и аргументацию в его пользу, должен представить сами его положения. После *promulgatio* положения законопроекта становятся окончательными и не должны больше меняться⁸. Впрочем, в конце республики на основании *lex Licinia Iunia* 62 г. до н.э. магистрат должен был передавать этот текст в *aerarium*⁹, тем самым в руки квесторов, демонстрируя таким образом окончательный характер архивированного текста, вероятно, чтобы избежать фальсификации (о которой я еще буду говорить). Я оставляю в стороне спор относительно длительности законного срока вывешивания такого законопроекта, срока в «три рыночных дня», *trinum nundinum*¹⁰. Известно, что в день голосования магистрат созывал народ сначала на *contio*, по случаю которой глашатай последний раз зачитывал вслух предложенный текст¹¹. Затем магистрат приказывал публике *contio* образовать *comitia*, т.е. разделиться на голосующие группы, и тогда началась собственно процедура голосования. Чтение текста вслух, вероятно, позволяло самым внимательным обнаружить фальсификацию, но большинство, несомненно, ничего не замечало, особенно в тексте, содержащем много статей, и даже ничего не слышало, и, во всяком случае, голосование в принципе больше невозможно было прервать, если только не по причинам, касающимся августального права, или же насильственными действиями.

Закон *Licinia Iunia* предписывал архивирование проекта, несомненно, с целью исключения фальсификации в этот момент: дабы избежать того, чтобы в день голосования избирателям был предложен текст, отличающийся в том или ином пункте от зачитанного и вывешенного текста, доведенного до сведе-

⁶ Nicolet. *Le Sénat...* P. 260–275.

⁷ Mommsen. *Le Droit public...* 6. I. P. 425.

⁸ По этому пункту общие подходы к данному вопросу единодушны: Mommsen. *Le Droit public...* 6. I. P. 426; Rostovtzi G. *Leges publicae populi Romani*. 2e éd. Milan, 1912. P. 124; Staveley E.S. *Greek and Roman Voting and Elections (Aspects of Greek and Roman Life)*. L., 1972. P. 143; Bleicken J. *Lex publica. Gesetz und Recht in der römischen Republik*. B.–N. Y., 1975. P. 453.

⁹ Согласно Моммзену (*Le Droit public...* 4. P. 246; 6. I. P. 426), обязательная подача, установленная законом, касалась именно проектов; гипотеза об обязательной подаче окончательного текста закона после голосования, предложенная Л. Ландуччи (*Landucci L. La pubblicazione delle leggi nell'antica Roma // Atti e memorie della reale Accademia di scienze lettere ed arti in Padova*. 1896. 12. P. 119–149), была опровергнута Ротонди (Op. cit. P. 124 (cf. p. 383–384); идея того же Ландуччи (Op. cit. P. 145), принятая Ротонди (Op. cit. P. 383), и Блейкеном (Op. cit. P. 453), об обязательном присутствии свидетелей в момент представления в *aerarium*, основана исключительно на корректуре Гальма к тексту Schol. Bob., p. 140 St. В настоящее время положение Моммзена принято: Staveley. Op. cit.; Bleicken. Op. cit.; Crawford. *General Introduction*. 1. P. 9. Дата закона остается под вопросом: его относят обычно к 62 г., но Стэйвли говорит только, что он предшествует 56 г., по причине его первого упоминания Цицероном (Sest. 64. 135). Э. Баддиан (*Badian E. An Unrecognised Date in Cicero's Text? // Mnemai. Classical Studies in Memory of Karl K. Hulley / Ed. H.D. Evjen. Chico, 1984. P. 97–101*), предложил новый аргумент в пользу 62 г., основанный на разночтении в рукописи *Cic. Att. I, 16, 13*.

¹⁰ Crawford. *General Introduction*. P. 11 (с библиографией).

¹¹ Ibid.

ния других магистратов и трибунов, сената и участников *contiones*. Учитывая, что принятый текст, ставший *lex*, также должен был быть архивирован в *aerarium*, и так было как минимум со времени Гражданской войны, сравнение двух письменных версий, *rogatio* и *lex*, выявило бы всякую фальсификацию¹². Не известно, были ли квесторы обязаны по закону *Licinia Iunia* провести эту проверку до окончательной сдачи закона в архив и как влияло обнаружение возможной фальсификации на действительность закона, принятого в таких обстоятельствах. Известно только, что закон предусматривал процесс на *quaestio* в случае нарушения его формулировок¹³.

Таким образом, теоретически, как только завершалась *promulgatio*, текст нельзя было более изменять: народ мог принять или отвергнуть его таким, каким он был ему представлен, но в любом случае не мог ни утвердить его частично, в соответствии с процедурой «постатейное чтение», похожей на ту, что практикуют французские парламентарии, ни изменить положения законопроекта. В день голосования народу направлялось приглашение, *rogatio*, призывающее дать ответ в общем: либо *uti rogas*, либо *antiquo*.

Очевидно, что эти процедурные данные являются основополагающими для закрепления соответствующих ролей за магистратом, сенатом и народом, т.е. фактически для более или менее демократического характера римской законодательной системы: народ может лишь в целом принять или отвергнуть предложение, сделанное ему магистратом, в то время как сенат располагает гораздо большей свободой действий, имея возможность выступить инициатором проекта, определить его основные черты, а также обсудить его детали и формулировку.

Тем не менее, мы знаем, что обсуждение проходило перед народом после *promulgatio*, во время *contiones* и что традиция даже предписывала его: *rogator* никак не мог от этого уклониться, и та же самая традиция не одобряла, чтобы трибун налагал вето на *rogatio*, прежде чем несколько *contiones* не позволят провести обмен мнениями между сторонниками и противниками данного мероприятия: Тит Ливий недвусмысленно объявляет об этом: «...существовала традиция, что никто не налагал вето на закон, пока простые граждане (*priuati*) не получили возможность высказаться в пользу закона или против него»¹⁴. Под *priuati* следует на практике понимать преимущественно сенаторов, поскольку это главным образом им предоставлял такую возможность председательствующий на *contio* магистрат, контролировавший доступ к публичному высказыванию. Тем самым цель ораторов, бравших слово на *contio*, чтобы говорить в пользу проекта (*suasio*) или против его утверждения (*dissuasio*), вероятно, сводилась в принципе к тому, чтобы в целом склонить граждан к тому или иному решению посредством риторики убеждения.

Но Моммзен выдвинул другую теорию, в два этапа¹⁵: во-первых, он предполагает, что обсуждение на *contiones* могло вести к тому, что *rogator* оценивал шансы успеха своей *rogatio*, основываясь на реакции народа во время ре-

¹² Объект закона: *Burckhard L.A. Politische Strategien der Optimaten in der späten Republik*. Stuttgart (Historia Einzelschriften. 57), P. 216; архивирование законов, прошедших голосование: *Mommsen. Le Droit public...* 4. P. 246. и Not. 1, с опорой на *Sisenna. Historiae*. IV (fr. 117 Peter, ap. Non. P. 238 L., s. u. praefestinatum).

¹³ Единственными источниками, касающимися процесса, организованного *e lege Iunia Licinia*, являются свидетельства Цицерона (Vat. 14. 33; Att. IV. 16. 5; Phil. V. 3. 8).

¹⁴ *Liv. XLV. 21. 6* (167 г. до н.э.): *cum ita traditum esset ne quis prius intercederet legi quam priuatis suadendi dissuadendique legem potestas facta esset*.

¹⁵ *Mommsen. Le Droit public...* 6. 1. P. 456.

чей *suasio* и *dissuasio*, и отзывал ее в случае необходимости (т.е. просто не созывал народ на последнюю *contio* и на *comitia*), избегая, таким образом, провала. Действительно, в наших источниках обнаруживается на удивление малое число *rogationes*, отвергнутых народом: Э. Флайг для эпох Средней и Поздней республики насчитывает четыре: три трибунских и одну консульскую¹⁶.

Но затем Моммзен осмотрительно открывает другую возможность: «вероятно также, в случае частичной критики и предложения изменений, [что публичное изложение возражений может побудить автора] представить ее в новой форме». Он приводит¹⁷ лишь два примера в поддержку своего утверждения: предложение поправки во время *dissuasio*, известное из «Переписки» Цицерона, и «новое предложение отозванного закона в измененной форме», переданное Асconiем. Этот последний пассаж¹⁸ касается трибуната Г. Корнелия в 67 г. до н.э. и принятия плебисцита, ограничивающего право сената уклоняться от соблюдения законов. Детали и хронология многочисленных законодательных предложений плебисцита этого трибуна еще обсуждаются¹⁹ по причине расхождения в традиции между Асconiем и Дионом Кассием, но это обсуждение не касается ограниченного вопроса юридической процедуры, исследуемого здесь, как можно убедиться, читая Диона²⁰: Корнелий попытался утвердить посредством голосования свой закон, ему это не удалось, и он представил затем измененный вариант.

Пример, приведенный Моммзеном, не кажется мне совершенно убедительным: он, конечно же, свидетельствует о том, что трибун позднее вновь внес *rogatio*, измененную в одном пункте, но не о том, что речь шла об обычной стратегии, состоявшей в добровольном отводе, за которым следовало повторное представление, поскольку не сам Корнелий решил снять свою *rogatio* в ее первоначальной форме, а возражение трибуна П. Глобула и возмущение, последо-

¹⁶ Flaig. Op. cit. P. 80–81 и Not. 13, в дополнение к работам В. Ниппеля и В. Эдера. См. также его подсчет менее надежных случаев в IV в.

¹⁷ Mommsen. Le Droit public... Not. 2. Его теории об отводе и подаче измененного проекта следуют Ротонди (Op. cit. P. 124), Стэйвли (Op. cit. P. 269), Флайг (Op. cit. P. 93, Not. 43) (два последних автора вновь обращаются к одному из двух примеров Моммзена – Cic. Att. I. 19. 4. см. выше, прим. 23).

¹⁸ Asc. P. 58–59 Cl.: Is [трибун P. Globulus] ubi legis ferundae dies uenit et praeco subiciente scriba uerba legis recitare populo coepit, et scribam subicere et praeconem pronuntiare passus non est. Tum Cornelius ipse codicem recitauit. Quod cum improbe fieri C. Piso consul uehementer quereretur <tollique> tribuniciam intercessionem diceret, graui conuicio a populo exceptus est; et cum ille eos qui sibi intentabant manus prendi a lictore iussisset, fracti eius fasces sunt lapidesque etiam ex ultima contione in consulem iacti: quo tumultu Cornelius perturbatus concilium dimisit <actutum>. Actum deinde eadem de re in senatu est magnis contentionibus. Tum Cornelius ita ferre rursus coepit ne quis in senatu legibus solueretur nisi CC adfuisset, neque quis, cum solutus esset, intercederet, cum de ea re ad populum ferretur. Haec sine tumultu res acta est.

¹⁹ McDonald W. The Tribune of Cornelius // CQ. 1929. 23. P. 196–208; Nicolet. Le sénat... P. 262–266; Griffin M.T. The Tribune C. Cornelius // JRS. 1973. 63. P. 196–213; состояние вопроса см. Marshall B.W. A Historical Commentary on Asconius. Columbia, 1985. P. 215–221. О содержании данного плебисцита см. Bonnefond-Coudry M. Le Sénat de la République romaine de la guerre d'Hannibal à Auguste. Pratiques délibératives et prise de décision, Rome (Bibliothèque des Écoles françaises d'Athènes et de Rome, № 273), 1989. P. 403. Not. 137; 406, 410, 764.

²⁰ Dio Cass. XXXVI. 39. 4: Ἰδὼν οὖν τὴν ὀρμὴν αὐτῶν ὁ Κορνηλίος τότε μὲν, πρὶν ἐπιψηφίσαι τι, διαφύκει τὸν σὺλλογον, ὕστερον δὲ; προσέγραψε τῷ νόμῳ τὴν τε βουλὴν πάντως περὶ αὐτῶν προβουλευεῖν καὶ τὸν δῆμον ἐπάναγκες ἐπικυροῦν τὸ προβουλευμα. καὶ οὕτως ἐκεῖνον τε διενουθετήσῃ καὶ ἕτερον τοιόνδε – «Таким образом, видя народное возмущение, Корнелий сначала распустил народное собрание, прежде чем началось голосование, а затем добавил к своему закону положение, согласно которому сенат должен был обязательно принимать относительно этих вопросов предварительный сенатусконсульт, а ему непременно надо было получить ратификацию в народном собрании. И в этой форме ему удалось провести свой закон, а также другой, вот какой».

вавшее за вмешательством консула Г. Пизона, помешали ему вынести ее на голосование граждан, к чему он уже приступил. Завершая обсуждение этого казуса, следует указать, что текст Диона Кассия тем не менее дает нам техническое выражение, к которому мы еще вернемся, обозначающее добавление статьи к *rogatio*, не прошедшей голосования: *προβουρροφείν τῷ νόμῳ*, и что другой пассаж из Аскония, относящийся к этому эпизоду и не приведенный Моммзенем, хотя он содержит драгоценную цитату из Цицерона²¹, относящуюся к тому же эпизоду, дает нам второе техническое выражение: *legem corrigere* в смысле «изменять, вносить поправки в проект закона».

Другой случай, приведенный Цицероном, – это *rogatio Flavia agraria*, представленная в 60 г. до н.э. плебейским трибуном Флавием в пользу ветеранов Помпея. Из разных писем к Аттику мы знаем, что процедура, касающаяся этого законопроекта, была исключительно долгой, поскольку проект, внесенный уже в январе, еще находился в обсуждении в середине марта, так как Цицерон участвовал в *contio* по этому вопросу, а в середине июня о нем больше не было речи. Дион Кассий объясняет почему: вследствие яростных конфликтов, последовавших за этим законодательным предложением. Помпей попросил Флавия отвести свою *rogatio*²². Текст Цицерона²³ сообщает нам, что сам он высказался на *contio* против всех статей *rogatio*, кроме одной: глаголы, стоящие в имперфекте первого лица единственного числа (*ego tollebam ... libera- bam ... confirmabam ... non reiciebam*), выражают эти предложения поправок, сделанные Цицероном к трибунской *rogatio*, которые, впрочем, вели к потере ею своей сути. Но этот текст доказывает только то, что сенатор, тем самым *priuatus*, мог предложить изменения к представленной *rogatio* и ничего другого: либо действительно, как это предполагает Моммзен, в рамках обычной процедуры, целью которой было добиться изменения проекта, либо в качестве простой риторической стратегии, чтобы сделать очевидными недопустимые аспекты проекта и внушить народу мысль просто отвергнуть его полностью. Выходит, что Флавий отказался представить свой проект на голосование. Тем самым, этот пассаж в действительности ничего не сообщает нам о

²¹ Cic. Pro Cornelio de maiestate I, fr. 32 Puccioni // Asc. In Cornel. P. 72 Cl.: «At enim de corrigenda lege rettulerunt». Diximus iam in principio Cornelium primo legem promulgasse ne quis per senatum lege solueretur, <tum> tulisse ut tum denique de ea re S. C. fieret, cum adessent in senatu non minus CC. Haec est illa quam appellat correctio. Дж. Кроуфорд (Crawford J.W. M.T. Cicero. The Fragmentary Speeches. 2nd ed. Atlanta, 1994), комментируя на с. 121 данный фрагмент (№ 32, р. 84), не рассматривает эту подразумеваемую в тексте процедуру, которая имела место в сенате и перед народом. Изучение терминологии Диона Кассия во многом обязано неизданному исследованию, проведенному Марианной Боннфон-Кудри в рамках проекта «Новый Ротонди», осуществляемого лабораторией U.M.R. 8585, в котором мы оба принимаем участие.

²² Cic. Att. I. 18. 6 (20 января 60 г. до н.э.): *agraria autem promulgata est a Flauio sane leuis, eadem fere quae fuit Plotia*; I. 19. 4 (15 марта 60 г. до н.э.): см. прим. 23; II. 1. 6 (середина июня 60 г. до н.э.): *quod de agraria lege quaeris, sane iam uidetur refrixisse*; Dio Cass. XXXVII. 49. 2; 50. 1–2; 3: *μαθὼν οὖν τοῦθ' ὁ Πομπήιος, καὶ ἀποχυνθεὶς τε ἀμα καὶ δέισας μὴ καὶ ὁ δῆμος ἀγανακτήσῃ, προσέταξε τῷ Φλαυίῳ ἀπαναστῆναι* – «узнав об этих происшествиях, Помпей устыдился и испугался, как бы народ не пришел от этого в гнев, и приказал Флавию отказаться». О проекте см. Rotondi. Op. cit. P. 386; Nicolet. Le Sénat... P. 269–270; Gruen E.S. Last Generation of the Roman Republic. Berkeley, 1974. P. 87. Not. 13; P. 396. Not. 150.

²³ Cic. Att. I. 19. 4: *agraria lex a Flauio tribuno pl. uehementer agitabatur auctore Pompeio, quae nihil populare habebat praeter auctorem. Ex hac ego lege secunda contionis uoluntate omnia illa tollebam quae ad priuatorum incommodum pertinebant; liberabam agrum eum qui P. Mucio L. Calpurnio consulibus publicus fuisset; Sullanorum hominum possessiones confirmabam; Volaterranos et Arretinos, quorum agrum Sulla publicarat neque diuiserat, in sua possessione retinebam; unam rationem non reiciebam, ut ager hac aduenticia pecunia emeretur quae ex nouis uectigalibus per quinquennium reciperetur.*

процедуре отвода и затем предложения проекта в измененной форме, фиксируя внимание только на обсуждениях на *contiones*.

Таким образом, вопрос состоит в том, чтобы выяснить, следует ли отказаться от гипотезы Моммзена, которая вела к признанию определенной роли в модификации проектов закона за *contio* и народом (даже если эти два субъекта, к чему мы еще вернемся, и следует разделить). Я так не думаю, и мне кажется, что можно подтвердить интуицию Моммзена, основывая ее, однако, на других аргументах.

Прежде всего, следует вновь рассмотреть вопрос об уже упомянутой *rogatio agraria* Л. Флавия в 60 г. до н.э. Дион Кассий²⁴ сообщает нам, что после внесения своего проекта и вследствие оппозиции *optimates* трибун «добавил статью» к нему, согласно которой в распределении земель должны были участвовать не только ветераны Помпея, но все граждане. Примечательно выражение, употребленное Дионом: *προσγράφεῖν τῇ γνώμῃ*. Оно соответствует выражению, отмеченному выше, и является даже более точным, поскольку в нем говорится не о νόμος, по антиципации, но о γνώμη, эквиваленте латинской *rogatio*. Конечно же, Дион не указывает прямо, что Флавий отвел свою первоначальную *rogatio* и представил ее вторую измененную версию, но то, что мы знаем о правилах, регулирующих утверждение законов посредством голосования, и, я добавлю, долгий промежуток времени, проходивший между первоначальным внесением и добровольным отводом, делают вероятной эту последовательность операций.

Но к этой аргументации можно добавить и другие примеры, не приведенные Моммзеном и, на мой взгляд, более убедительные. Наиболее показательный пример представляют собой проекты закона претора М. Целия Руфа в 48 г. до н.э. Мы знаем благодаря Цезарю²⁵, что он внес первый проект (*legem promulgavit*) об отсрочке процентов, как кажется, снискавший одобрение по меньшей мере части народа, на что указывает Дион Кассий²⁶, но столкнувшийся с оппозицией консула П. Сервилия Ватии Исаврийского и других магистратов – сторонников Цезаря: «видя, что его усилия имели меньший успех, чем он ожидал, М. Целий снял первый законодательный проект (*sublata priore lege*) и, чтобы разогреть страсти, опубликовал два предложения (*leges duas promulgavit*): одно, по поводу отсрочки квартирной платы съемщикам жилья, и другое, аннулирующее долги (*tabularum novarum*), – тем самым, касающиеся той же проблемы долгов. Перед нами – добровольный отвод, последовавший за *promulgatio*, и обязанный политическому анализу *rogator*’а, несмотря на

²⁴ Dio Cass. XXXVII. 50. 1: τοῦ γοῦν δημάρχου τοῦ τὴν γῆν τοῖς τῷ Πομπηῶ συνεξήτασμενοῖς κατανεῖμαι ἐσηγυμένον προσγράψαντος τῇ γνώμῃ τὸ καὶ πᾶσι τοῖς πολίταις, ὅπως τοῦτό τε αὐτὸ ῥᾶον ψηφίσωνται καὶ τὰ πραχθέντα αὐτῷ βεβαιώσωσι, κλήρους τινὰς δοθῆναι, ἐπὶ παντ ὁ Μέτελλος ἀντιστάμενος ἐπεξήλθεν – «таким образом, когда трибун, который предлагал закон о распределении земель солдатам, служившим под начальством Помпея, добавил к своему законопроекту статью, распространявшую распределение некоторых участков земли на всех граждан, чтобы способствовать их голосованию в пользу этого предложения и утверждению актов [Помпея], Метелл оспорил проект в целом и выступил против него».

²⁵ Caes. Bell. ciu. III. 20. 5–21, 1: *legem promulgavit, ut sexenni die sine usuris creditae pecuniae solvantur. Cum resisteret Seruilius consul reliquique magistratus et minus opinione sua efficeret, ad hominum excitanda studia sublata priore lege duas promulgavit, unam, qua mercedes habitationum annuas conductoribus donavit, aliam tabularum novarum, impetuque multitudinis in C. Trebonium facto et nonnullis vulneratis eum de tribunali deturbavit.* О законодательстве Целия см. Rotondi. Op. cit. P. 417–418; Corder P.M. Caelius Rufus, le prêteur recalcitrant // Mélanges de l’École française de Rome. 1994. 106. 2. P. 542–557 (с библиографией).

²⁶ Dio Cass. XLII. 22. 4.

очевидно неблагоприятное мнение, выраженное Цезарем²⁷. Целий добавил к своему проекту относительно долгов часть, касающуюся жилищной платы, и радикализировал первоначальный законопроект, касающийся долгов, чтобы еще больше расширить народную поддержку. Отметим попутно, что этот текст дает нам техническое выражение, обозначающее этот добровольный отвод законопроекта самим его автором: *tollere legem*. Заметим также, что Цезарь трижды употребляет *lex* в значении *rogatio* – род антиципации, очень частой в латинских текстах республиканской и Августовой эпох и параллельной той, что обнаруживается в греческом языке Диона Кассия.

К этому следует добавить другой хорошо известный случай изменения, произведенного П. Клодием Пульхром с трибунской *rogatio*, которую он внес в начале 58 г. до н.э., чтобы превратить в официальное изгнание добровольную ссылку Цицерона. Таким образом, речь идет о втором из двух законов, направленных против Цицерона, том, что по традиции называется *lex de exsilio Ciceronis*. Известно, что Клодий изменил свою *rogatio* после ее внесения. Эту модификацию можно проследить благодаря «Переписке» Цицерона, и если детали абсолютной хронологии еще обсуждаются, последовательность операций не вызывает сомнений: *promulgatio* его *rogatio*, *promulgatio* измененного варианта *rogatio*, включающего добавление, касающееся минимальной дистанции удаления от Италии, которую должен был соблюдать Цицерон под угрозой смерти для него самого и его сообщников, принятие *rogatio* посредством голосования, результатом которой был отъезд Цицерона из Италии²⁸. Цицерон узнал об этой модификации во время своего путешествия на юг Италии, и мы можем проследить это по трем письмам к Аттику²⁹: в письме III. 1 он уже покинул Рим, *rogatio* была опубликована после его отъезда, и он объявляет, что он узнал об этом: *ut legi rogationem*; в III. 2 он знает, что предусмотрено изменение к *rogatio*, но ему неизвестно его содержание и оно еще не произведено: *rogatione nondum correcta* – «законодательное предложение еще не претерпело изменений». Это подтверждается в III. 4: на этот раз он знает содержание модификации, известия о которой до него дошли: *in qua quod correctum esse audieramus erat eius modi etc.*

Значение этой поправки, определяющей географические пределы ссылки, было предметом дискуссии, но считается, что речь шла об усилении первоначальной меры³⁰. Однако в перспективе настоящего исследования заслужи-

²⁷ Замечательный анализ политики Целия в 48 г. до н.э. находится у Cordier. Op. cit.; см. о последовательности *rogationes* с. 536, 547–549, 553. Автор считает (с. 549), что именно политический анализ, проведенный Целием, объясняет отвод и второе внесение его различных *rogationes*.

²⁸ См. Rotondi. Op. cit. P. 395–396; Nicolet. Le sénat... P. 271. Not. 60; Grimal P. Études de chronologie cicéronienne (années 58 et 57 av. J.-C.). P., 1967. P. 74–92, особенно P. 75–76, 92; Moreau Ph. La lex Clodia sur le bannissement de Cicéron // Athenaeum. 1987. 65. 3–4. P. 469–475 (библиография: с. 455–456); Tatum W.J. The Patrician Tribune. Publius Clodius Pulcher. Chapel Hill–London, 1999. P. 156–158, 163–164; см. также ниже, прим. 31, 32.

²⁹ Cic. Att. III. 1: cum antea maxime nostra interesse arbitrabar te esse nobiscum, tum uero, ut legi rogationem, intellexi ad iter id quod constitui nihil mihi optatius cadere posse quam ut tu me quam primum consequere; III. 2: itineris nostri causa fuit quod non habebam locum ubi pro meo iure diutius esse possem quam fundum Siccae, praesertim nondum rogatione correctae; III. 4: miseriae nostrae potius uelim quam inconstantiae tribuas quod a Vibone quo te arcessebam subito discessimus. Adlata est enim nobis rogatio de pernicie mea, in qua quod correctum esse audieramus erat eius modi ut mihi ultra quadringenta milia liceret esse, illuc peruenire non liceret. Statim iter Brundisium uersus contuli ante diem rogationis.

³⁰ Moreau. La lex Clodia... P. 475.

вают внимания два других замечания: первое, сделанное В. Штернкопом³¹, состоит в том, что ни в «Переписке», ни в речах после возвращения из ссылки Цицерон не оспаривает законность этой процедуры модификации *rogatio*, в то время как он нагромождает примеры противозаконности, обнаруживаемые законом Клодия. Мы должны заключить из этого, что подобная процедура, таким образом, не представляла на его взгляд ничего скандального. Второе замечание принадлежит Шэклтону Бэйли, согласно которому поправка, произведенная Клодием к его собственному законопроекту, является доказательством первоначальной неудачной, тем самым, поспешной редакции, и который на основании этого предполагает, что закон *lex de exsilio Ciceronis* был предложен немного времени спустя после *lex de capite ciuis*³². Если вместе с Моммзеном принять, что модификация проектов после внесения была обычной процедурой, то можно иначе, чем Шеклтон Бэйли, интерпретировать *correctio*, произведенную Клодием: как результат обсуждения на *contiones*. И можно добавить термин к словарю: дважды Цицерон говорит о *rogatio correctata*, что подтверждает технический характер этого выражения, уже засвидетельствованного в *Pro Cornelio* и в комментарии Аскония. Таким образом, *rogationem corrigere* следует добавить к *προσδιορίζειν τῇ γνῶμῃ* или *τῷ νόμῳ* и к *legem tollere*, как обозначение этапов рассматриваемой здесь процедуры.

Возможно, имеется еще одно свидетельство процедуры исправления *rogationes*, хотя и неудавшейся, в тексте Диона Кассия, рассказывающем о мерах, предпринятых Цезарем во время его краткого пребывания в Риме осенью 49 г. до н.э. относительно долгов и денежных сумм во владении частных лиц. Связь между двумя мерами является объектом дискуссии из-за терминологической неточности Диона: идет ли речь об одном законе или о двух различных законах? Или же о решениях, принятых Цезарем в силу своих особых полномочий, например, об эдикте? Не входя в детали дискуссии, мы ограничимся здесь ссылкой на состояние вопроса, обрисованное П. Кордье³³, и предложением интерпретации текста Диона³⁴. Цезарь вносит *rogatio*, ограничивающее владение денежными суммами, и эта мера доведена до сведения народа. Я осмелился бы даже сказать, что реакция *πλήθος*, *plebs urbana*, описанная Дионом, имела мес-

³¹ Sternkopf W. Ueber die Verbesserung des clodianischen Gesetzentwurfes *de exilio Ciceronis* // Philologus. 1900. 59. S. 300–302.

³² Shackleton Bailey D.R. Cicero's Letters to Atticus. II (58–54 B.C.). Cambr., 1965. P. 227–228, которому следует *Tatum*. Op. cit. P. 156.

³³ Cordier. Op. cit. P. 542–545, с библиографией (особенно: P. 543. Not. 32), к которой следует добавить последнее исследование: Saccoccio A. Un provvedimento di Cesare nel 49 a. C. in materia di debiti // *L'usura ieri e oggi* / Ed. S. Tafaro. Bari, 1997. P. 101–175.

³⁴ Dio. XLI. 38, 2–3: *ἔπειδ' ἔτι τε συχοὶ πολλὰ τε χρήματα ἔχειν καὶ πάντα αὐτὰ ἀλοκρύπτειν ἔλεγοντο, ἀπὸ γόρουθου μηδὲνα πλείον πεντακισχίλιον καὶ μυρίων δραχμῶν ἐν ἀργυρίῳ ἢ καὶ χρυσίῳ κεκτῆσθαι, οὐχ ὥς καὶ αὐτὸς τὸν νόμον τοῦτον τιθεῖς, ἀλλ' ὥς καὶ πρότερόν ποτε εὐσεβεῖντα ἀνανεοῦμενος (...). Ἐπαρθέντος δὲ ἐπὶ τούτῳ τοῦ πλήθους, καὶ ἀξιούντος καὶ τοῖς οἰκέταις μὴ νῦνтра ἐπ' αὐτῷ κατὰ τῶν δεσποτῶν προτεθῆναι, οὕτε προσέγραψεν αὐτὸ τῷ νόμῳ, καὶ προσέτι καὶ ἐξώλειαν ἑαυτῷ προσετήρασατο, ἂν ποτὲ τι δοῦλῳ κατὰ τοῦ δεσπότου εἰπόντι πιστεύσῃ – «ходили слухи, что многие люди владели большими денежными суммами и целиком их утаивали, поэтому Цезарь запретил кому бы то ни было иметь более пятнадцати тысяч драхм в золотых или серебряных монетах, представляя этот закон не как собственное мероприятие, но как возобновление своими заботами меры, введенной ранее (...). И когда плебс был воодушевлен этим мероприятием и требовал установить в отношении данного преступления вознаграждение для рабов, доносящих на своих хозяев, он не добавил этот пункт к своему закону, и призвал проклятие на себя самого, если он окажет свое доверие рабу, говорящему против своего хозяина».*

то во время *contio*, проведенного Цезарем. Эта реакция является двойной – энтузиазм и требование добавления к *rogatio*: мы вновь обнаруживаем выражение *προσῄρῳφειν*, уже встреченное у Диона. То, чего желал плебс, то, что предложил магистрат или сенатор, участвующий в *contio*, и то, что отверг Цезарь, – это *rogatio correcta*. И здесь также, как мне кажется, можно наблюдать функционирование механизма внесения поправок благодаря взаимодействию между магистратом *rogator*’ом, другими участниками и публикой *contiones*, механизма в данном случае нереализованного.

Мне представляется, наконец, что гипотеза Моммзена, в том виде, в каком я пытался ее развить, позволяет также предложить решение для долго обсуждавшегося вопроса, имеющего определенное значение для понимания брачного законодательства Августа и сопротивления, с которым оно столкнулось. Не входя в детали аргументации³⁵, здесь достаточно будет представить центральный элемент проблемы, интерпретация которого обуславливает ответ, который следует дать на обсуждаемый вопрос: имела ли в действительности место в 28 г. до н.э. неудавшаяся попытка брачного закона, предвосхищавшего *lex Iulia de maritandis ordinibus*, и до какого уровня Октавий довел свою попытку: закон, представленный, прошедший голосование, примененный, затем отмененный, или же просто *rogatio*, отозванная до представления народу, тем самым никогда не примененная? В 1843 г. Г. Гертцбергом³⁶, немецким комментатором Проперция, была впервые предложена гипотеза относительно П. 7. 1–2: *gauisa est certe sublatam Cynthia legem, / qua quondam edicta flemus uterque diu* – «Цинтия, несомненно, была рада отзыву закона, в недавнее время объявленного посредством эдикта, который заставил нас обоих долго лить слезы». Гертцберг, сближая это двустушие с двумя отрывками из Диона Кассия, пришел к выводу о законодательной попытке Августа в 28 г., в форме *rogatio*, отозванной до голосования. Эта идея брачного законодательства была равным образом поддержана П. Джорсом, автором двух классических диссертаций о законах *Iulia et Papia Poppaea*³⁷, который, со своей стороны, думал о законе, действительно прошедшем голосование, а затем официально отмененном. Немного времени спустя после Джорса Моммзен в своем «*Römisches Strafrecht*», принимая текст Проперция за свидетельство законодательной попытки, возражал, однако, Джорсу по одному пункту, указывая, что, по его мнению, речь шла не о принятом и затем упраздненном законе, но просто об отозванном законопроекте³⁸. Его авторитет привел к тому, что эта гипотеза оставалась в целом доминирующей. Но в 1985 г. Э. Бадян вернулся к данному вопросу, повторяя в числе прочего лингвистическое возражение, выдвинутое когда-то другим комментатором Проперция, М. Ротштейном³⁹: текст Про-

³⁵ Интерпретация, кратко изложенная здесь, была представлена в докладе, сделанном в Институте римского права Университета Paris II в марте 2002 г., озаглавленном: «Брачное законодательство Августа. Несколько замечаний о законодательной технике» (в печати).

³⁶ Hertzberg G.A.B. Sex. Aurelii Propertii elegiarum libri quattuor. 1. Halle, 1843. P. 31; 224–225.

³⁷ Jörs P. Die Ehegesetze des Augustus // Festschrift Th. Mommsen / Ed. P. Jörs. E. Schwartz, R. Reitzenstein. Marburg, 1893. S. 4–6, 12, 27.

³⁸ Mommsen Th. Römisches Strafrecht. Lpz. 1899. P. 691. Anm. 1: «zurückgezogener Gesetzesvorschlag».

³⁹ Badian E. A Phantom Marriage Law // Philologus. 1985. 129. P. 82–98, с повторением аргументации М. Ротштейна: Rothstein M. Die Elegie des Sextus Propertius, 1. Erstes und zweites Buch. 2e éd. B., 1920, P. 253. Второе возражение, касающееся употребления *edicere* в отношении *rogatio* будет исследовано в публикации, указанной выше, прим. 35.

перция не может указывать на отвод простой *rogatio* по причине выражения *sublatam legem*. Однако достаточно перечесть текст «*De bello ciuili*» Цезаря, касающийся *rogationes* Целия⁴⁰ в 48 г. до н.э., чтобы констатировать, что этот аргумент не имеет силы: *sublata priore lege* там употреблено по отношению к первой *rogatio* претора. Не следует ожидать от элегии Проперция большей терминологической точности, чем от *commentarii* Цезаря, и я добавил бы, что встретить *lex* вместо *rogatio* в источниках позднереспубликанского и Августового времени является, как мы уже видели, банальным. Таким образом, никакое терминологическое препятствие не мешает прийти к выводу, что поведение Августа в этом деле соответствовало обычаю *rogatores* конца республики: убедившись в том, что его *rogatio* провоцировала сильное сопротивление в различных слоях *populus*, в особенности среди сенаторов и всадников, как это произойдет с его законом 18 г. до н.э., он предпочел скорее отозвать ее, чем потерпеть провал. Если отстаиваемая здесь гипотеза правильна, то мы должны были бы обнаружить немного позднее провала *rogatio* 28 г. до н.э. закон, воспроизводящий, по крайней мере частично, меры, нацеленные на покровительство законному браку, который можно угадать между строк элегии Проперция. И оказывается, что отрывок из Диона Кассия, касающийся 27 г. до н.э., указывает как раз в данном направлении⁴¹.

Следует отметить, что Моммзен, который сформулировал в «*Römisches Strafrecht*» доминирующую с полным правом теорию об отводе *rogatio* 28 г. до н.э., не привел этот случай в том месте «*Römisches Staatsrecht*», где он анализировал процедуру отвода и предложения нового закона: причина этого, несомненно, заключается в том, что в 1887 г., когда он опубликовал «Публичное право», его внимание еще не привлек текст Проперция: именно участие Джорса в томе, опубликованном в его честь в 1893 г., поставило его в известность об этом и вызвало заметку в «Уголовном праве», опубликованном спустя шесть лет. Тем не менее, еще удивительнее отметить, что в *Strafrecht* он не сделал сближения с процедурой, которую он описал для времени республики, и не сослался на соответствующий пассаж в *Staatsrecht*.

Независимо от того, принимать или нет эту реконструкцию законодательства Августа 28–27 гг., честно говоря, довольно спекулятивную, мне кажется установленным фактом, что в конце республики добровольный отвод *rogatio* ее автором, а именно, воздержание с его стороны от всякого созыва комиций и последующее внесение измененной версии первоначального проекта, воспроизводящего некоторые элементы последнего или добавляющего новые статьи, с целью учесть реакцию различных политических действующих лиц во время *contiones*, были, без сомнения, обычной процедурой, которую применяли для того, чтобы выйти из апории, возникшей из запрета прикасаться к тексту внесенной и опубликованной *rogatio*. Мы видели, что современные этому источники или античные историки предоставляют нам терминологию, характерную для данной практики: *legem tollere*, *rogationem corrig-*

⁴⁰ См. выше прим. 25.

⁴¹ *Dio Cass. LIII. 13. 2*: ἐπειτα δὲ τοὺς μὲν καὶ ἐπετησίους καὶ κληρωτοὺς εἶναι, πλὴν εἰ τῷ πολυπαιδίας ἢ γαμου προνομία προσεῖη (...) ἐκέλευσε – «затем он приказал, чтобы [правители провинций] получали свою должность сроком на год и посредством жеребьевки, кроме случая, когда кто-либо имеет преимущество по причине числа детей или брака (...)». Относительно деталей аргументации, мы позволим себе еще раз сослаться на исследование, указанное в прим. 35.

ere⁴² (*legis correctio*), *προστυράφειν τῇ γνώμῃ οὐ τῷ νόμῳ*. Таким образом, можно заключить, что интуиция Моммзена была верной, даже если он не подкрепил ее ни столькими примерами, сколькими он мог бы это сделать, ни в особенности примерами, абсолютно уместными.

Возможно, имея в виду это несовершенство республиканской законодательной системы, Август учредил в начале своего единоличного правления, согласно Диону Кассию, рассказывающему о событиях 27 г. до н.э., следующую процедуру: принцепс приказывал вывешивать свои проекты, добивался от граждан реакции и предложений улучшения и порой модифицировал редакцию своего первоначального проекта (*μετέγραφε*)⁴³. По существу это республиканская система, но с настаиванием на двух пунктах: широкий доступ для каждого гражданина (*τις*) к праву участвовать в процессе обсуждения, и быстрая интеграция переписывания представленных проектов в данную процедуру.

Как бы то ни было, первый вывод, представленный здесь, касается только процедурных механизмов и, тем самым, представляет ограниченный интерес. Но реконструкция этой процедуры заставляет нас вновь поставить политический вопрос, упомянутый в начале: какое суждение можно вынести об относительном весе действующих лиц римской политической игры. Мне кажется, что было бы слишком опрометчиво прийти из предшествующего анализа к выводу, что именно народ или, точнее, публика *contiones*, т.е. часть *plebs urbana*, участвовала во взаимодействии с *rogator*-ом в улучшении законодательных предложений после сената, участвовала менее систематическим образом, но, которым, тем не менее, не стоит пренебрегать. Действительно, существенная диссиметрия *contio* в предоставлении права слова, которая оставляла за председательствующим на ней магистратом право брать слово и давать его другим, – как правило, другим магистратам или сенаторам, – ограничивала публику главным образом ролью слушателя. Вследствие этого можно было учесть только реакцию публики, как правило, мало-членораздельную (крики и аплодисменты), однако принимавшую новые, более сложные формы в конце республики⁴⁴, и эта публика не имела права

⁴² Как справедливо замечал Моммзен (*Le Droit public*... 6. 1. P. 453. Not. 1), в целом совпадающие отрывки из *Liv.* III. 34. 1–6 и *Dion. Hal.* X. 57. 5–6, касающиеся принятия законов XII Таблиц, в которых упоминаются поправки, произведенные простыми гражданами к предложению децемвиров, не соответствуют в точности тому, что мы знаем о законодательной процедуре в историческое время. Тем не менее, следует отметить, что источники обоих историков включают в этот процесс, который они, вероятно, представляют с определенной долей интерпретации, которую нам невозможно уточнить, согласно обычной практике их эпохи, стадию *correctio* внесенной *rogatio*; *Liv.* III. 34. 6 *satis correctae*; *Dion. Hal.* X. 57. 5 – *ἐπανόρθωσιν*. Мы не будем полностью следовать Р. Огилви (*Ogilvie R.M. A Commentary on Livy. Books 1–5. 2e éd. Oxf., 1970. P. 459*), утверждающему, что два историка представляют народную поправку к выдвинутому децемвирами проекту XII Таблиц «before their formal promulgation»: идею о втором письменном предложении можно обнаружить только у *Dion. Hal.* X. 57. 6 τὰ γραφέντα, но не в отрывке Тита Ливия. Тем не менее, общее впечатление таково, что для анналистической традиции, воспринятой историками эпохи Августа, *correctio* по отношению к *rogatio* была ожидаемой процедурой. Может быть, следует равным образом принять в расчет влияние на двух историков поведения Августа в начале своего единоличного правления, см. ниже.

⁴³ *Dio. Cass.* LIII. 21. 3: οὐ μόντοι καὶ πάντα ἰδιογνώμονων ἐνομοθέτει, ἀλλ' ἔστι μὲν ἅ καὶ ἐς τὸ δημόσιον προεξετίθει, ὅπως, ἂν τι μὴ ἀρέσῃ τινα, προμαθὼν ἐπανορθώσῃ: προετρέπετο τε γὰρ πάνθ' ὄντινοὺν συμβουλευεῖν οἱ, εἰ τίς τι ἀμείνον αὐτῶν ἐπινοήσειεν, καὶ παρρησίαν σφίσι πολλὴν ἔνεμε, καὶ τινα καὶ μετέγραφε.

⁴⁴ *Moreau Ph.* Donner la parole au peuple? Rhétorique et manipulation des *contiones* à la fin de la République romaine // *Argumentation et discours politique. Antiquité grecque et latine, Révolution française, Monde contemporain. Actes du colloque international de Cerisy-la-Salle / Ed. S. Bonnafous, P. Chiron, D. Ducard, C. Lévy. Rennes, 2003. P. 175–189.* Библиографию этой статьи можно дополнить исследованием (сведениями о котором я обязан Майклу Кроуфорду): *Noe E.* Per la formazione del consenso nella Roma del I sec. a. C. // *Studi di storia e storiografia antiche per E. Gabba. Côme, 1988. P. 49–72* (особенно р. 60. 71 с комментарием к *Cic. Sest.* 59. 126 и к *Q. fr.* II. 3. 2), и работой самого М. Кроуфорда (*General Introduction. P. 12*), говорившего о многом в нескольких строках.

законодательной инициативы. Впрочем, *contio* рассматривается обычно как средство информации народа. Тем самым, для простых граждан возможность оказывать влияние существовала, но была все же очень ограниченной и никогда не касалась инициативы и выдвижения законопроекта. Эгон Флайг представляет *contio* как место выработки консенсуса, который затем проявляется на *comitia*⁴⁵, но он ясно показывает, что народ не осуществлял действительно решающей функции. Зато магистраты и сенаторы участвовали в обсуждении непосредственно после сената (или параллельно с заседаниями сената, на которых могли продолжать рассматривать внесенную *rogatio* и к тому же реагировать на *contiones*). На мой взгляд, они имели двойной интерес участвовать в этих обсуждениях: с одной стороны, они были свободны от формальных проволочек, связанных с функционированием сената, примеры которых можно найти в книге М. Боннфон-Кудри⁴⁶, – в частности, порядок опроса сенаторов в соответствии с иерархическим нисходящим рангом и обычай оставлять речи с изложением аргументации за самыми знатными. На *contio* слово предоставлял председательствующий магистрат в зависимости от своих политических интересов. С другой стороны, сенаторы, высказывавшиеся перед *contio*, могли провоцировать благоприятную или неблагоприятную реакцию публики, которую они использовали затем в своих внутренних спорах: присутствие реагирующей публики вводило дополнительную переменную во взаимодействие между сторонниками и противниками мероприятия. Таким образом, механизм *contio* лишний раз отсылает нас ко взаимодействию преимущественно между магистратами и сенаторами, что приводит нас к заключению о том, что процедуру отвода и внесения измененной *rogatio*⁴⁷, несомненно более частую, чем свидетельствуют наши источники, никоим образом нельзя считать доказательством в пользу демократического характера выработки законов в эпоху республики*.

SUBLATA PRIORE LEGE. REJECTION OF THE ROGATIONES AS A WAY OF AMENDING LEGISLATIVE BILLS IN THE LATE ROMAN REPUBLIC

F. Moreau

This paper deals with one technical point of law-making in the late Roman Republic, with a view to stating precisely the parts of the rogatores, magistrates or tribunes, the public of the *contiones* and the people gathered in *comitia*. According to Th. Mommsen's authoritative description and later additions by L.R. Taylor, C. Nicolet and M.H. Crawford, a bill (*rogatio*), drafted by law experts and published (*promulgata*) by reading and display, was discussed at public meetings (*contiones*), but its text could no longer be modified. In 62 BC, lex Licinia Iunia ordered the persons who proposed bills to deposit a copy of the bill into the *aerarium*, in order to prevent them from altering fraudulently the initial wording of their bills, which the people could hardly detect when the *praeco* read it aloud at the meeting of the *comitia*. Therefore, the people could only accept or repel a bill as a whole, but could not modify a single chapter of it.

⁴⁵ Flaig. Op. cit. P. 93.

⁴⁶ Bonnefond-Coudry. Op. cit. (особенно гл. II, III, с. 437–682).

⁴⁷ Добавим, что если описанная здесь процедура и не была исключительной, все хронологические расчеты, которые пытаются определить дату голосования *rogatio* на основании известной даты ее внесения и длительности *trinum nundinum* или на основании обратного подсчета, страдают некоторой неопределенностью.

* Перевод О.П. Смирновой.

Nevertheless, Mommsen supposed that a *rogator*, when he understood that the people was not inclined to accept his bill, could withdraw it during *the trinum nundinum* in order to avoid a political failure. In fact, E. Flaig pointed out that very few bills were repelled by the comitia. Mommsen added that the rogator could put forth a modified proposal according to the wishes expressed by the public of the *contiones*. But he quotes as a piece of evidence two cases which do not seem conclusive: Cic., Att. I, 19, 4 (the tr. pl. Flavius actually gave up the idea of submitting his bill) and Asc., p. 58–59 Cl. (the tr. pl. Cornelius presented indeed a second form of his previous *rogatio*, but he did not voluntarily withdraw the first one).

But some other cases can back up Mommsen's theory. In 48 BC, praetor M. Caelius Rufus proposed a bill which he withdrew and published two other *rogationes* related to the previous (Caes., Bell. ciu. III, 20, 5–21, 1: *sublata priore lege ... leges duas promulgauit*). In 48 BC, the tr. pl. P. Clodius Pulcher changed the bill concerning Cicero's banishment (Cic., Att. III, 2: *rogatione nondum correcta*; 4: *quod correctum erat*). Lastly, in 49 BC., during a *contio*, the attendants asked Caesar to modify (προσγράφειν) a bill concerning currency (Dio, XLI, 38, 2–3).

We may suppose that Augustus resorted to such a procedure in 28 BC, according to Prop. II, 7, 1 *sublatam ... legem; legem tollere* is indeed the formula used by Caesar when describing Caelius' attitude in 48, and it cannot be denied (pace E. Badian) that *legem tollere* pertains to the withdrawal of a simple bill.

We thus come to the conclusion that the withdrawal of a bill and the proposal of a modified form of a text was a usual and normal procedure at the end of the Republic (ancient historians used the words: *legem corrigere*, *legem tollere*, προσγράφειν τῇ γνώμῃ or τῷ νόμῳ). In this way, rogatores could take into consideration reactions of speakers and public during the *contiones* and improve their proposals. Nevertheless, as the speakers (generally other magistrates and senators) and simple attendants expressed their opinions in different ways (articulate speeches opposite to shouting and applause) during these meetings, the procedure of withdrawal and new introducing of bills was mainly a supplementary tool of senators' political influence.